

НЕ НАЗЫВАЙ ЧЕРНОЕ БЕЛЫМ

Директор драмтеатра А. Погонченков после премьеры спектакля «Дожди» провожал автора пьесы, драматурга М. Ворфоломеева на московский поезд. Однако проводница К. Залеская не сочла возможным пропустить пассажира в вагон. И отъезжавшему, и провожавшему пришлось побывать сначала в дежурной части линейного отделения милиции станции Новгород, а затем в медицинском вытрезвителе. Случилось это 9 февраля нынешнего года, но лишь спустя пять месяцев в театре состоялось партийное собрание, где секретарь первичной парторганизации Т. Усачева предложила вынести директору А. Погонченкову строгий выговор. Но после выступления представителя райкома коммунисты проголосовали за более жесткое наказание — строгий выговор с занесением в учетную карточку. Бюро Ленинского райкома партии, утверждая это решение, обосновало его так: «за появление в общественном месте в нетрезвом виде и проявленную неискренность при рассмотрении персонального дела».

Заметим, что слово «неискренность» не из тех, что успели превратиться в канцеляризм. И именно это слово заключает в себе суть происшедшего с февраля по июль. За это время А. Погонченков написал несколько жалоб, обвиняя проводницу, работников милиции, оспаривал показания свидетелей, назвав в первом же своем заявлении все случившееся «грубой провокацией». Несмотря на то, что А. Погонченков успел проработать в городе лишь двадцать дней, появилось письмо группы работников театра в защиту директора.

К рассмотрению этой истории, выявлению истины были привлечены десятки людей, представители целого ряда организаций, включая обком партии, Прокуратуру Союза ССР. И все потому, что А. Погонченков, черня всех и вся, пытался обелить себя, превратить из участника происшествия в пострадавшего, а коллектив, партийная организация театра занимали выжидательную позицию — чья возьмет? Сумеет ли Погонченков с его высокими покровителями — нашлись такие! — перекрасить черное в белое?

Все это время в коллективе театра витали различные слухи, кулуарно обсуждался ход очередных жалоб, но честного, открытого разбора так и не состоялось. Происшествия, о котором все знали, таким образом, как бы и не было. Правда, долгое время не было в Новгороде и самого Погонченкова — три месяца он болел, что подтверждают больничные листы, выданные медицинскими учреждениями Москвы.

Партийное собрание отважилось рассмотреть случившееся лишь после того, как из Прокуратуры СССР в обком партии поступил документ, свидетельствующий, что «факт нетрезвого состояния М. Ворфоломеева и А. Погонченкова с достоверностью установлен».

К сожалению, не коммунисты театра, а работники райкома и обкома партии первыми дали оценку поведению Погонченкова, в том числе на собрании первичной парторганизации.

...Уверенный, что подчиненные и голоса против не поднимут, пытался выйти сухим из воды и директор музыкального училища О. Томас, тоже ныне бывший.

Применные экзамены подходили к концу, когда секретарь парторганизации училища Р. Романова, как бы между прочим, сообщила инструктору обкома партии, что группа нового набора вряд ли оправдает надежды — некоторым абитуриентам оценки на экзаменах завышены. В обком пригласили О. Томаса и попросили еще до конца экзаменов разобраться. Однако директор повел себя так, словно и не было совета навести порядок, скрыл этот разговор с инструктором обкома.

Позднее выяснилось, что преподаватели действовали по прямому указанию О. Томаса. В работе приемной комиссии были вскрыты не только нарушения, но и вопиющие просчеты. Существовали, например, чистые бланки экзаменационных ведомостей с заранее проставленными подписями преподавателей. Некоторые письменные работы учащихся пестрели грубыми ошибками. Из тринадцати выборочно проверенных работ в двенадцати оценки оказались завышенными.

Что же толкнуло на очковитерельство? В течение года заботы о новом пополнении в училище попросту не было. Даже курсов подготовки для будущих абитуриентов не организовали. Надежды на конкурс при поступлении в училище не оправдывались. Когда директор спохватился, что за недобор с него спросят, он предпочел сфальсифицировать результаты экзаменов. Но вот что еще настораживает: ведь Римма Михайловна Романова была в приемной комиссии ее полноправным членом. Когда выставлялись завышенные оценки, она своего особого мнения не высказала, а «сигнализировала о случившемся», как бы сняла с себя ответственность, переложив ее на плечи инструктора обкома.

Мы много говорим сегодня о том, как важно учиться смотреть правде в глаза, говорить то, что думаешь и знаешь, а не то, что кому-то желаннее, хотим объективной и гласной информации в большом и малом. Но декларации, призывы, как видим, нередко все еще тонут в житейской практике, не подкрепляются делом.

Два случая, на первый взгляд, такие непохожие. Но в одном они чуть ли не полностью совпадают: неприглядно, если не сказать трусово, вели себя в этих историях с самого начала секретари первичных партийных организаций. Столкнувшись напрямую с проступками своих руководителей, Т. Усачева и Р. Романова стали действовать уклончиво, выжидали, пока в инцидентах разберутся вышестоящие инстанции. Когда жизненная ситуация поставила их перед выбором — принципиальность или компромисс, — пойти на честный разговор в своей партийной организации, в своем коллективе, они не решились.

Когда мы беседовали об этом с первым секретарем Ленинского райкома партии Анатолием Николаевичем Коварским, он заметил:

— Не можем мы пока добиться, чтобы проступок коммуниста принципиально, открыто обсуждался в первую очередь членами коллектива, первичной партийной организацией. Ведь именно там люди лучше всего знают — случай это, чрезвычайное происшествие или система поведения человека. Вот и приходится «человеку со стороны» — ревизорам,

дружинникам, инспекциям, комиссиям — брать на себя разбор персонального дела. Секретари первичных организаций часто еще испытывают давление, иногда и нажим со стороны своего руководителя, и, к сожалению, не все могут ему противостоять. За последнее время райком пришлось пересмотреть добрую треть решений по персональным делам: в оценке проступка коммуниста не хватало принципиальности.

Новый Устав партии обязывает коммуниста быть непримиримым во всех случаях, когда нарушаются ленинские принципы подбора и воспитания кадров. И, разумеется, по-партийному оценивать, а не покрывать проступки, не делать тайны из того, что особенно нуждается в гласности, справедливой партийной критике.

Борьба с негативными явлениями не может вестись за закрытой дверью. Она требует действия, и действия активного.

Мы все хотим, чтобы ни одно негативное явление, ни один факт, порочащий звание коммуниста или подрывающий уважение к партийным, советским органам, не удалось замолчать, прикриты, завуалировать. Последовательная и полная гласность — самое надежное лекарство от показного благополучия, от криво толков, от всякого рода «подстроек» под перестройку.

Это верно и для секретаря первичной ячейки и для руководителя в масштабах района, города, области.

«Каждый из них не раз уже, обращаясь к трудящимся в тех или иных коллективах, говорил о перестройке, о повышении меры личной ответственности, ну и другие правильные и нужные слова. А на деле-то вон что выходит». Это цитата. Из статьи «Драма без действия», опубликованной в газете «Новгородская правда». Рассказано в ней о затянувшемся строительстве областного драматического театра. Спустя много лет эта стройка наконец была названа важной, пусковой, взята под особый контроль облисполкома. Решено было закончить ее к 7 ноября. Но задание первого полугодия вновь сорвано. На стройке, как сообщила газета, разворачивается своя драма бездействия со своими антигероями. Газета поименно перечислила их: это заместители председателя Новгородского горисполкома Ю. Гребенюк и С. Соколов, руководители крупнейших предприятий города, не выполнившие конкретных заданий, секретари горкома и Октябрьского райкома партии А. Бузин и В. Лоскутов.

Статью на другой же день обсудил секретариат обкома партии, признал ее крайне необходимой и своевременной. За безответственное отношение к порученным обязанностям, за неоперативное решение дел виновные были наказаны в партийном порядке, пришлось принимать экстренные меры, чтобы ликвидировать допущенные по их нерадивости завалы.

Вот это, пожалуй, самое главное сегодня — не замазывать ошибки, а выявлять их, по-партийному оценивать и исправлять. Только тогда люди будут чувствовать себя уверенно, действовать энергично, ломать отжившее. Во имя дела.

Г. ВЛАДИМИРОВА.

НОВГОРОД.